

УДК 811. 161.1' 36

Н. В. Хруцкая

Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова (г. Киев)

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДСИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В ДИНАМИКЕ

Розглядаються основні напрямки еволюції морфологічної системи російської мови на сучасному етапі під впливом конкуренції варіантів різних типів.

Рассматриваются основные направления эволюции морфологического строя русского языка на современном этапе под влиянием конкуренции вариантов различных типов.

The basic directions of the Russian language morphological line-up evolution under the influence of a competition of various type variants at the present stage are considered in the article.

Морфология является наиболее стабильным ярусом языковой системы, в котором заложена его национальная специфика. «Морфология – глубинный языковой ярус. Она представляет собой строго организованную систему понятий, развивающуюся по своим внутренним законам», – указывает Н. Е. Ильина [6, с. 326]. Эволюция морфологического яруса осуществляется достаточно медленно в сопоставлении с другими языковыми подсистемами. Исследователи в области морфологии отмечают «крайне медленные темпы ее самодвижения и выдающуюся непроницаемость для внешних воздействий. Изменения в морфологической системе, даже и незначительные, обычно обнаруживают себя в периоды социальных потрясений. Это наблюдалось в начале XX века, когда в революционную эпоху морфологический строй испытал некоторые изменения. И хотя каждое из них незначительно, в целом все они создают необычайную для морфологии картину текучести, изменчивости морфологических отношений» [12, с. 10–11]. Тем не менее морфологическая подсистема языковой системы характеризуется значительной степенью устойчивости и саморегуляции при воздействии интралингвистических и экстралингвистических факторов, так как данный ярус строго организован и обладает категориями, в развитии которых в основном превалируют интралингвистические законы аналогии, традиции, экономии и антиномии.

Изменения в морфологическом строе языка обнаруживаются в увеличении или уменьшении количества вариантных форм с учетом существующих в данной подсистеме прототипов. Основными причинами морфологического варьирования «служат смешение и аналогическое воздействие унаследованных от старого строя языка парадигматических различий (в типах склонения, глагольных классах, способах образования видов и т. д.)», – считает К. С. Горбачевич [4, с. 138]. И далее: «Вариантность возникает на переходных этапах, в слабых звеньях перестраивающейся системы языка. Преодоление грамматических аномалий, несоответствие морфологического облика слова словообразовательной мотивации рода и его синтаксическому выражению, специализация грамматически перегруженных аффиксов, стремление освободиться от омоформ и обеспечить регулярную и фонологиче-

ски выраженную грамматическую оппозицию – все эти факторы пополняют состав вариантов и создают сильные зоны морфологического варьирования» [Там же, с. 139]. Необходимо отметить, что в морфологии вариантность ограничена до определенного предела, который лимитирован самой типологией системы языка, поэтому динамика словоизменения внутри языковых рамок осуществляется путем конкуренции этих форм, вытеснением одной формы другой (но только таких форм, которые предусмотрены самой системой языка). «Каждый лексико-грамматический класс слов ... обладает особыми грамматическими категориями, поэтому количество возможных вариантов и их предельность определяются внутренней природой самих частей речи», – указывает Л. К. Граудина [5, с. 146].

Следует, однако, заметить, что рассмотрение вариативности в грамматике (в нашем случае в морфологии) с точки зрения нормы, наряду с названными общими критериями, предполагает также выявление особенностей представления в них языковых моделей, так как, по словам Л. И. Скворцова, «в грамматике на первый план выступают критерии моделей и образцов и соответствия им сомнительных реализаций» [13, с. 48].

В настоящее время наибольшие трансформации (и деформации) в языке происходят на фонетическом (произносительном и акцентологическом) и грамматическом (морфологическом и синтаксическом) уровнях языковой системы, что обуславливает эволюцию всей языковой системы и, как результат, рестандартизацию литературной нормы современного русского языка. Вместе с тем тезис о разрыве между «старым» и «новым» состоянием языка оказывается в известной степени преувеличением, так как многие семантические, стилистические и грамматические изменения возникли и укрепились уже в 60–80-е гг. XX века. На эти изменения указывается в работах таких известных лингвистов, как К. С. Горбачевич, Л. К. Граудина, С. И. Ожегов, Л. И. Скворцов, Ф. П. Филин, К. И. Чуковский и многих других. Эволюция системы языка и динамичность литературной нормы под влиянием вариантов при несинхронности осознания ее разными группами носителей языка приводит пуристически настроенную критику к ограниченному пониманию этого процесса. Исходя из сказанного, считаем, что описание и анализ динамики морфологической подсистемы языковой системы современного русского языка в формальном аспекте *важен и актуален* для дескрипции и оценки эволюции языковой системы в целом.

По своему морфологическому строю русский язык является преимущественно синтетическим и флективным. Большая часть грамматических значений выражается внутри самого слова – с помощью окончаний и словоизменительных суффиксов. При этом один грамматический показатель, как правило, кумулятивно выражает сразу несколько грамматических значений. В частности, флексии (либо их отсутствие) имени существительного совмещают значения падежа и числа, флексии полных имен прилагательных – значения рода, падежа и числа, флексии настоящего и будущего времени финитных глагольных форм – значение лица и числа.

Отклонение от «классического» варианта флективно-синтетического типа, который был представлен в старославянском языке, наблюдается во всех современных славянских языках. По отношению к современному русскому языку эти изменения практически единодушно интерпретируются лингвистами как движение к аналитизму: «...устремление к аналитизму – наиболее яркая морфологическая тенденция в русском языке послереволюционной эпохи» [12, с. 15].

На проявление аналитизма в морфологии впервые в конце 30-х годов указал А. М. Пешковский [11]. Эта мысль была в дальнейшем поддержана

В. В. Виноградовым: «В современном русском языке грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, аналитико-синтетическому» [3, с. 37]. В конце XX – начале XXI века ученые-лингвисты высказываются еще более категорично: «Проявления аналитизма носят в современном русском языке активный, развивающийся характер» [8, с. 443]. Примерами аналитических форм могут служить сложные формы сослагательного наклонения (*думал бы*) и будущего времени несовершенного вида (*буду думать*). К ним добавились характерные для современного русского языка новые аналитические формы сравнительной и превосходной степени имени прилагательного типа *более умный* и *самый умный*, вытеснив в устной и письменной речи синтетические формы компаратива и суперлатива *умнее* и *умнейший*.

В настоящее время Н. Е. Ильина основной тенденцией в морфологии считает рост аналитизма [6, с. 326–333], что проявляется, с ее точки зрения, в первую очередь, в изменениях в функционировании имен, а именно: в функционировании существительных, традиционно относящихся к существительным мужского рода (*преподаватель, доцент, экскурсовод, инженер, журналист, профессор, президент, автор* и т. п.) в качестве существительных общего (двойного) рода (по аналогии с *сирота, ябедка, пьяница*). При этом необходимо отметить, что многие существительные мужского рода, в частности, такие, как *учитель, поэт, продавец, писатель, студент, преподаватель, корреспондент* (имеющие нормативные нейтральные параллели женского рода *учительница, поэтесса, писательница, студентка, преподавательница, корреспондентка, продащица*), вытесняют из языковой системы формы имен существительных женского рода и активно используются в устной и письменной речи, заменяя их: *новая преподаватель пришла, корреспондент опоздала*, а род имени существительного выражается либо флексией определения, либо флексией сказуемого (т. е. синтаксически). А. А. Шахматов в книге «Синтаксис русского языка» (середина 20-х годов) относился к словосочетаниям подобного типа как к отступлению от правил русской грамматики: «Представления о лицах женского пола не могут повлиять на изменения грамматического рода мужских слов на твердую согласную, служащих для их обозначения. Слова *доктор, кондуктор, студент* остаются словами мужского рода, когда обозначают женщину, девушку; это зависит от того, что слова эти продолжают обозначать и лица мужского пола; для обозначения женщины, девушки язык охотно прибегает к новообразованиям (*докторша, докторица, студентка*)» [15]. В настоящее же время в морфологической системе обзерируется диаметрально противоположная тенденция: язык старается избавиться от форм существительных женского рода для обозначения лиц женского пола. В частности, образование *докторша*, на которое указывал А. А. Шахматов, носит ярко выраженную разговорно-просторечную коннотацию (МАС-2, т. 1, с. 569, помета *прост.*; БТС, с. 270, помета *разг.*). Лексема *докторица* в МАС-1, МАС-2, СОШ и БТС отсутствует в связи с полнейшей ее архаизацией и элиминацией из лексической системы современного языка. В последующие годы аналитические конструкции типа *врач пришла* получают все большее распространение и в настоящее время приводят к переходу в пассивный лексический запас и постепенной элиминации форм имен существительных женского рода *поэтесса, преподавательница, журналистка* и т. п. Функционирующие параллели форм женского рода типа *врачиха, инспекторша, тренерша, дикторша* носят просторечный характер и не рекомендуются в литературном языке.

Достаточно определенно относительно тенденции современного русского языка к аналитизму высказывается В. А. Курдюмов: «Среди лингвистов стало уже

банальностью утверждение о том, что он стремится к аналитизму, то есть в направлении отмирания формообразования: склонений, спряжений и т. д. и в том числе подлежащно-сказуемостной нормы. Как только современный литературный язык стал наблюдаем, стала очевидна и эта тенденция, впрочем, осуществлявшаяся достаточно медленно. Но вот наступает социальная перестройка, рушатся запреты и нормы, и становится очевидно, что удельный вес в употреблении разговорного языка гораздо выше, чем литературного – владеющих и способных поддерживать владение литературным языком людей значительно и значительно меньше, чем просто говорящих «естественно» [7, с. 34]. Созвучна точке зрения В. А. Курдюмова выявленная и обоснованная Г. П. Мельниковым закономерность: в эпоху массовых перемещений людей (в постсоветский период) и смешения языков последние переходят к аналитической форме, тем самым облегчая общение смешивающимся народам. Это вызывает такие последствия, как отмирание склонений и спряжений [9].

Как известно, переход от синтетических форм к аналитическим имеет очевидную коммуникативную мотивировку, состоящую в том, что формы, ставшие «семантически непрозрачными, заменяются перифрастическими сочетаниями, эксплицитно выражающими данное значение, что делает высказывание более ясным для слушающего» [2, с. 10]; при этом обязательность флексии сменяется столь же обязательным употреблением служебного слова.

На протяжении всего времени эволюции русского языка наблюдалась тенденция к ослаблению чередования на стыке морфем. В настоящее время при наличии нескольких словоизменительных моделей более продуктивными оказываются те, где чередований нет или они более предсказуемы. Так, например, в глагольном словоизменении продуктивными являются модели с наращением согласного в основах настоящего времени, не вызывающие чередований, т. е. модели типа *читать – читаю, худеть – хую, а не мякуть – мячу, пылесосить – пылесошу, мурлыкать – мурлычу, метать – мечу, внимать – внимаю*. Они повсеместно вытесняются ранее просторечными вариантами типа *мяукаю, пылесосою, мурлыкаю, метаю, внимаю*.

Аналогичная картина наблюдается и при образовании синтетических форм сравнительной степени имен прилагательных, где продуктивность сохраняет более новый суффикс, оказывающий меньшее воздействие на качество предшествующего согласного. Ненормативные варианты синтетических формообразований: *жесточе, жутче, гулче, громоздче, знобче, колче, кратче, кротче, ломче, марче, мыльче, пылче, робче (робчее), стойче (стойчее), трясче, тягче (тягчее), хватче, ходче (ходчее), хрупче, хрустче, цепче* и некоторые другие – заменены в современном языке аналитическими нормативными формообразованиями: *более колкий, более робкий, более хваткий* и т. п.

Еще одним проявлением тенденции сокращения фузии можно считать ослабление строгости реализации нормативных чередований, сопутствующих присоединению отдельных словообразовательных и словоизменительных аффиксов. Н. С. Трубецкой, подводя итоги своего описания морфонологической системы русского языка, писал: «Чередования выступают в словоизменении и словообразовании в русском языке в самых разнообразных формах, и список всех типов формообразования, в которых участвуют эти чередования, был бы очень длинен. Чередования представлены особенно сильно в непродуктивных типах формообразования. Если же рассматривать живые, продуктивные типы словоизменения и основообразования, то можно утверждать, что роль чередований в них сведена к минимуму» [14, с. 139].

Считается, что в типичном флективном языке «по возможности вся грамматическая информация концентрируется в одной морфеме – окончании» [17, с. 95]. Вспомним по этому поводу классический пример Л. В. Щербы про «глокую куздру». Сосредоточенные прежде всего во флексии грамматические значения, с одной стороны, определяют принадлежность данной словоформы к тому или иному морфологическому классу слов, а с другой стороны, выступая в качестве показателей согласования и управления, указывают на ее связи с другими словами в предложении.

В настоящее же время роль флексии как в морфологии, так и в синтаксисе явно сокращается. Характерным примером являются несклоняемые имена существительные типа *метро, пальто, кашне, кофе*. И хотя Л. В. Щерба в статье, датированной 1945 годом, прогнозировал их скорую полную адаптацию в русском языке и приобретение ими склонения: «Хотя *пальто* звучит еще просторечно, однако рано или поздно этой форме обеспечено будущее» [16, с. 50], этого не произошло и, скорее всего, в ближайшем будущем не произойдет, хотя для слов этого типа в русском языке есть подходящие образцы. Такое положение сохраняется, несмотря на то, что при сохранении относительно свободного порядка слов в русском языке оно создает для слушателей проблемы при интерпретации высказывания. Между тем в большинстве славянских языков подобные слова действительно стали склоняться. Например, в украинском языке стало нормой *їхати на метрі, бути у пальті, залишитися наодинці з піаніном* и т. п.

Другим проявлением уменьшения роли флексии может служить широкое распространение т. н. «гибридных разрядов слов, для которых, невзирая на грамматическую оформленность, нельзя однозначно определить, к какой части речи они относятся. Такими являются неопределенно-количественные слова (неопределенно-количественные числительные? наречия меры и степени?) типа *много, мало, несколько* и под., слово *это*, которое обладает «уникальным набором синтаксических употреблений, свойственных местоимению, частице, а кроме того, включает еще широкий спектр промежуточных употреблений, в которых *это* с трудом поддается отнесению к той или иной части речи» [10, с. 90].

Только на синтаксическом уровне можно определить лексико-грамматическую отнесенность слов типа *быстро, смешно, весело* и соответствующие формы сравнительной степени типа *быстрее, смешнее, веселее*, совмещающие функции прилагательного, наречия, безличного предикатива (слов категории состояния? предикативных наречий?).

Таким образом, вместо того чтобы по форме слова судить о его категориальной принадлежности и других свойствах, как это должно быть в типично флективном языке, в современном русском языке во многих случаях обзервируется противоположная ситуация – активизируется «опора на контекст для выявления грамматического значения словоформы» [1, с. 87]. Примером может служить утрата особых форм повелительного наклонения 1-го л. мн. ч. глагола. В русском языке данная форма совпадает с близкой по звучанию формой 1-го л. мн. ч. индикатива. Их дифференциация основывается на несовпадении коммуникативной направленности повествовательных и побудительных предложений и обязательном отсутствии подлежащего в предложениях с этими формами, выражающих побуждение к действию: *Маша, идем гулять* (императив) – *Мы идем гулять* (индикатив). Так как наличие местоименного подлежащего в предложениях с этими формами не является обязательным, а глаголы изъявительного наклонения и сами могут выражать побуждение, четкой грани между императивными и индикативными употреблениями форм типа *пойдем, начнем* нет. В качестве еще одного примера можно упомянуть

рост употребительности рефлексивно-посессивных глаголов, семантической основой которых является метонимический перенос: *растегнуться* (растегнуть свою одежду), *запуститься* (запустить компьютерную программу), *загружаться* (загрузить информацию) и т. п. Определить значение таких глаголов вне ситуации не представляется возможным.

И в завершение невозможно не отметить активизацию действия «закона экономии языковых средств», т. е. предпочтение более экономного (краткого) способа формообразования (и, соответственно, выражения) при выборе одного из нескольких параллельно существующих в морфологической подсистеме вариантов.

Этот тезис подтверждается многочисленным количеством примеров современного употребления глагольных форм типа: а) *глохнул – глох, дохнул – дох, жухнул – жух, достигнул – достиг, зябнул – зяб, избегнул – избег, издрогнул – издрог, иссякнул – иссяк, исторгнул – исторг, исчезнул – исчез, киснул – кис, крепнул – креп, липнул – лип, мерзнул – мерз, мокнул – мок, настигнул – настиг, обвыкнул – обвык* и под., и б) *от-(за-)купори – откупорь, (ис-, на-, пере-, по-)порти – порть, таращи – таращь, (пред-)уведоми – уведошь, (вы-, до-, за-, на- о-, об-, от-, пере-, по-, под-, про-, рас-, с-) чисти – чисть* и т. п., где предпочтительными являются вторые варианты.

Аналогичное явление наблюдается и при превалировании в современной морфологической подсистеме кратких форм имен прилагательных типа: *безукоризнен – безукоризненен, бессмыслен – бессмысленен, двусмыслен – двусмысленен, болезнен – болезненен, легкомыслен – легкомысленен*. Вторые варианты словоформ в настоящее время перешли в пассивный запас языковой системы.

В наибольшей степени активизация действия закона экономии речевых средств проявилась в области элиминации флексий имен существительных. Приведем такой пример. Ко второй половине XX века наметилась активная конкуренция исконных окончаний *-ов (-ев)* в форме род. п. мн. ч. с формами с нулевой флексией в силу действия закона речевой экономии: *грамм, вольт, ампер, апельсин, помидор, сапог, чулок, гардемарин, солдат* вместо *граммов, вольтов, амперов, апельсинов, помидоров, сапогов, чулков, гардемарин, солдат*.

Вышеперечисленные примеры, число которых можно умножить, дают возможность сделать следующие **выводы** относительно изменений в морфологической подсистеме современного русского языка.

1. Сокращение роли флексии в качестве формального показателя, указывающего на принадлежность слова к определенному грамматическому классу и его синтаксические связи с другими словами.

2. Активизация действия «закона экономии языковых средств» («речевых усилий»), т. е. предпочтение более экономного (краткого) способа формообразования (и, соответственно, выражения) при выборе одного из двух (иногда трех) сосуществующих вариантов.

3. Прогрессирующая тенденция к ослаблению чередования на стыке морфем.

4. Увеличение числа «гибридных» разрядов слов.

5. Семантизация грамматического строя русского языка.

6. Рост аналитических форм словоизменения.

Библиографические ссылки

1. **Акимова Г. Н.** Различные формы проявления аналитизма в современном русском грамматическом строе / Г. Н. Акимова // Русистика : Лингвистическая парадигма конца XX века : сб. ст. / отв. ред. В. Д. Черняк. – СПб., 1998.

2. **Алисова Т. Б.** Константы языкового развития и типология романских языков / Т. Б. Алисова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1980. – Т. 39, № 1.
3. **Виноградов В. В.** Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М., Л., 1947.
4. **Горбачевич К. С.** Варианты слова и языковая норма / К. С. Горбачевич. – Л., 1978.
5. **Граудина Л. К.** Словоизменительные варианты : вес переменных элементов в грамматике / Л. К. Граудина // Грамматика и норма. – М., 1977.
6. **Ильина Н. Е.** Рост аналитизма в морфологии / Н. Е. Ильина // Русский язык конца XX столетия. – М., 2000.
7. **Курдюмов В. А.** Грамматические инновации : топиковые структуры и возможная трансформация русской литературной нормы / В. А. Курдюмов // Лексико-грамматические инновации в современных восточнославянских языках : матер. III Международн. науч. конф. – Дн., 2007. – С. 34.
8. **Лопатин В. В.** Русский язык / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов // Русский язык : энцикл. / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М., 1997.
9. **Мельников Г. П.** Принципы и методы системной типологии языков : дис. ... д-ра филол. наук / Мельников Г. П. – М., 1990.
10. **Падучева Е. В.** Значение и синтаксические функции слова *это* / Е. В. Падучева // Проблемы структурной лингвистики : 1980. – М., 1982.
11. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – [6-е изд.]. – М., 1938.
12. **Мучник И. П.** Морфология. Гл. 1. Вступление / И. П. Мучник, М. В. Панов // Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование / под. ред. М. В. Панова. – М., 1968.
13. **Скворцов Л. И.** Теоретические основы культуры речи / Л. И. Скворцов. – М., 1980.
14. **Трубецкой Н. С.** Морфонологическая система русского языка // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии / Н. С. Трубецкой. – М., 1987.
15. **Шахматов А. А.** Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – [2-е изд.]. – Л., 1941.
16. **Щерба Л. В.** Очередные проблемы языковедения // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л., 1974.
17. **Яхонтов С. Е.** Типология морфемы / С. Е. Яхонтов // Морфема и проблемы типологии : сб. ст. / отв. ред. И. Ф. Вардуть. – М., 1991.